

О ДОХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ АЛАН

А. А. Туаллагов

Статья посвящена проблеме определения традиционных дохристианских верований алан. Прежние исследования основывались в своем большинстве не на анализе исторических сведений об аланах, а на данных по осетинской этнографии и языкознанию, а также на сведениях по традициям иных ираноязычных народов древности. Полученные выводы ложились затем в основу интерпретаций археологических материалов. Такой подход и его статичность препятствуют дальнейшему научному познанию. В настоящее время также наблюдается тенденция объявления традиционных верований алан монотеистическими. Сложившаяся ситуация определяет научную актуальность темы. Научная новизна исследования заключается в анализе данных оригинальных письменных источников о религии алан и в определении в соответствующем контексте археологических данных, часть из которых привлекается в таком качестве впервые. При проведении исследования применялись методы текстуального анализа источников, индуктивного и логического анализа на основе принципа историзма и системности. Основной целью исследования является определение основных признаков оригинальных религиозных верований алан. В результате проведенного исследования удалось выявить круг письменных источников, фиксирующих данные о дохристианской религии алан. Они надежно свидетельствуют о политеизме религиозной системы алан. Неотъемлемой частью данной системы было идолопоклонство. Некоторые данные позволяют выявить образы богов, которым поклонялись аланы. Комплекс идолопоклонства у алан оказывается связан с погребально-поминальной обрядностью. Такое положение позволяет определиться с кругом археологических артефактов из аланских комплексов, который может наглядно подтвердить сведения письменных источников. Одним из таких подтверждений предлагается признать специфической формы статуэтки, изображающие мужские персонажи.

Ключевые слова: аланы, политеизм, идолопоклонство, письменные свидетельства, археологические данные.

Вопросы религиозных верований алан дохристианского периода, как принято полагать, слабо освещены в письменных источниках. Вместе с тем известный на сегодня корпус письменных источников все же, на наш взгляд, позволяет в достаточном приближении определиться с ними. Данный аспект исследований остается не востребованным в современных публикациях. Одновременно явственно представлены попытки трактовки религиозных представлений исторических алан как оригинальных монотеистических. В складывающейся ситуации объективно возрастает научная актуальность решения указанных вопросов.

Кроме того, известные примеры реконструкции религиозных верований алан производились в своем большинстве не на основе исторических сведений об аланах, которые воспринимались как скудные, а за счет данных языка, мифологии и религиозных представлений осетин. С другой стороны, изучение с позиции исторической ретроспективы нередко производилось за счет исторических сведений о религиозных представлениях скифов и т.д. Уже на их основе представлены попытки рассматривать и трактовать материалы археологических памятников алан. Указанный подход сохраняется и сегодня. Но при практической допустимости такой ретроспекции,

отражающей обобщенную картину религиозных верований «скифо-сарматского мира», она не должна подменять собой приоритет в исследовании собственно аланских религиозных представлений.

Указанный подход в исследованиях объективно отражал общее состояние аланистики того периода. Но его современная статичность сама становится проблемой в ходе научного познания. Кроме того, при несомненной преимущества религиозных представлений алан с религиозными представлениями осетин оказывается неучтенным сам продолжительный ход формирования последних в условиях прямого взаимодействия на разных этапах с иными религиозными системами, включая монотеистические религии, на отдельных исторических этапах.

Порой наблюдается принятие и неоднозначных решений. Например, исследователи давно и справедливо обратили внимание на свидетельство анонимного автора «Перипла Понта Эвксинского» второй половины VI в. о том, что крымский город Феодосия (Θεοδοσία) на аланском языке назывался 'Ардаβда, что означало «семибожный», «(город) семи богов». В названии представлено аланское ард – «бог», родственное древнеперс. *arta-* и авест. *aša* – «божество» и сохранившееся в осет. *ard* – «клятва». Данное наблюдение послужило основой для постулирования политеизма религиозных верований алан, конкретно «семибожия». Но почему-то игнорировался тот факт, что Феодосия являлась греческим городом, название которого отражало греческое θεό-δοτος – «данный богами». В таких условиях понятие «семибожия» могло фиксировать не собственно аланские представления.

Насколько можно судить, наиболее ранние сведения по религиозным представлениям алан могут быть связаны с данными новеллы «Вавилонская повесть» («Вавилоника») сирийца Ямвлиха

середины II в. н.э., сохраненными в кратком пересказе X в. «Библиотеки» патриарха Фотия. В ней повествуется о том, как некий Сорех убедил алан, что способы его действий были открыты ему богами [1, 78]. Учитывая литературный характер источника и всю неисторичность его сюжета, остается признать, что и для автора новеллы, и для ее читателей аланы были вполне узнаваемым народом, а их вера в различных богов являлась общеизвестным фактом.

В произведении армянского историка V в. Мовсеса Хоренаци сохранились легендарные сведения о женитьбе армянского правителя Арташеса на дочери аланского правителя Сатеник. Исторически события относятся к I-II вв., а в труд Мовсеса Хоренаци они были перенесены из фольклорного источника. Здесь правители Армении и Алании характеризуются как потомки богов, богородные герои [2, 32; 3, 186, п. 49], что указывает на политеизм алан.

Данное положение подтверждается «Мученичеством Сукиасянов» V в. Оно описывает историю новообращенных аланских отшельников-христиан, связанную с теми же событиями. В памятнике указывается, что отшельники отказались «поклоняться богам царей» [2, 44], за что впоследствии были убиты своими соплеменниками. Таким образом, три различных по происхождению источника изначально свидетельствуют о политеизме алан.

По сведениям марсельского ритора Клавдия Мариа Виктора, которые рассматриваются как аутентичные за счет появления алан в Галлии, каждый алан «вместо богов», или «как богов», почитал своих предков, принося им жертвы [4, 413]. Поэма датируется *a terminus post quem* 406 г. [5, 18]. Некоторые исследователи полагали, что ритор считал такие традиции алан еще более примитивными, чем политеизм греков и римлян, чем

в целом выражалось обычное отношение ортодоксальных христиан к язычникам. Данное сообщение рассматривалось в связи с представлениями алан о боге в образе меча и о достойной смерти в бою. Также замечалось, что аланы оставались верны своим религиозным представлениями, не принимали христианства арианского толка подобно готам, которые долго были их союзниками [6, 22, 31-32].

Однако данное решение осуществляется вне контекста общей информации источника. В целом, у Клавдия Мария Виктор речь идет об истории зарождения и распространения идолопоклонства, в которой активную роль играл Сатана. Он завладевал разумом людей, которые ставили памятники умершим, одушевляя их и принося жертвы умершим. В этой истории на современном автору этапе и фигурируют аланы, которые почитают своих умерших родителей «вместо богов», или «как богов», принося им жертвы. Так и другие народы считают своих родителей и царей богами, как происходило в лживой Греции. Люди придумывали в таком свете объяснения различным могильным холмам и названиям. Дошло до признания присутствия богов в самых малых предметах и т.д. [5, 37, 78-79, 129, 131, 157, 160-165] Учитывая общий контекст сообщения Клавдия Мария Виктор, в определении *pro dis*, которое бы могло иметь двоякое восприятие – «вместо богов» и «как (в качестве) богов», следует признать корректным именно второе.

Исследователи обратили внимание на свидетельство Клавдия Клавдина о подобной традиции у гетов, у которых боги отождествлялись с душами умерших предков, почитались идолы как предки. Но в Галлии почитание предков рассматривалось как аланский обычай. Поэтому вполне справедливым является заключение, что аланы представляли как язычники, т.е. идолопоклонники, даже когда часть их попала под власть гот

[7, 157, 341], принявших христианство арианского толка. Таким образом, мы не только узнаем, что у алан был сильно развит семейный культ предков, но они, как и другие народы, были идолопоклонниками и многобожниками. Связь идолопоклонства с культом предков и погребально-поминальными традициями вызывает к себе особый интерес.

В выписках уже известной нам «Библиотеки» патриарха Фотия X в. сохранились сообщения из «Исторических сочинений» Олимпиодора Фиванского, описавшего события 407-425 гг. Источник указывал, что некогда были изготовлены и освящены по варварскому обряду три серебряные статуи в виде варваров с заведенными за спину руками. Они были закопаны в землю между Фракией и Иллириком в сторону севера, т.е. варварской земли, чтобы служить талисманами и предотвращать набеги варваров. Место их помещения считалось священным. Когда их выкопали, то сразу произошло вторжение готов, а затем гуннов и сарматов, под которыми подразумевались аланы. Было похоже, что три статуи и оберегали от всех варварских племен [8, 459-460]. Согласно переводу В.В. Латышева, подразумевалось посвящение статуй богам [9, 786], которые представляли в соответствующем иноземном, варварском обличье. Как мы видим, идолы вновь оказываются связанными с аланами, но уже со стороны других народов, что полагает представления об общем идолопоклонстве среди них.

К сожалению, источники не сохранили для нас имена и образы аланских богов. В одном из стихотворных произведений Марк Анней Лукан (39-65 гг.) упоминает «суровых и вечно воинственных алан». Учитывая поэтический характер произведения, следует указать, что в *duros aeterni Martis Alanos*, повторяемом у Сидония Аполлинария – *iuncti Martis Alanos (Halanos)* [10, 280], может звучать

не только понятие «воинственность», но представлена отсылка к образу жестокого бога войны Марса – «суровых от вечного Марса алан», который должен быть знаком читателю и производить на него соответствующее впечатление. В схолиях к произведению Лукана поясняется, что *aeterni Martis Alanos* – это «народ у Понта, в постоянных битвах не знающий покоя» [11, 307].

Данные локализация и характеристика сопоставимы со сведениями Аммиана Марцеллина (~330-395 гг.), согласно которым аланы поклонялись воткнутому в землю обнаженному мечу как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют [12, 493]. Общий круг приведенных данных различных источников позволяет говорить именно об образе бога, которого особо почитали аланы. Аналогичное поклонение мечу, воплощающему образ жестокого бога войны Ареса, было впервые представлено еще в известном описании Геродота (Herod. IV, 62) обычаев скифов – ираноязычных предшественников алан. Данный бог под именем Марса известен и более поздним источникам.

Несомненно, мы имеем дело с образом аланского бога войны. У подобных богов, появляющихся еще на этапе сложения политеизма, кроме военных функций обычно присутствовали и другие, например, плодородия. В произведении армянского поэта Фрика (XIII в.) упоминается «алан, сын Солнца» [13, 388], что предоставляет нам еще один образ этого пантеона.

Учитывая материальное воплощение образа бога войны у алан, не кажется таким уж неожиданным свидетельство лионского пресвитера Констанция, характеризовавшего правителя алан Эохара в событиях ~447-448 гг. как идолопоклонника [14, 272]. Вспомним и несколько более ранние данные Клавдия Мариа Виктора. Идолопоклонство обычно соотносится с политеизмом, тогда как в монотеистиче-

ских (авраамистических) религиях оно рассматривается как поклонение иному несуществующему богу. Многобожие и идолопоклонство рассматривалось как один вид религиозного заблуждения, что определялось через повествование об исходе евреев из Египта под водительством Моисея, и получало свое развитие через запрет иметь «иных богов» [15, 82-87]. Собственно в произведении Констанция речь идет о противостоянии и соглашении идолопоклонника Эохара и христианского епископа св. Германа Осерского, что придает понятию «идолопоклонник» соответствующее восприятие.

Тема идолопоклонства не ограничивается для алан только отмеченными свидетельствами. В «Хронике Зукнина» Псевдо-Дионисия Телль-Махрского, составленной в конце IX или в начале X в., при описании событий 766-767 гг. указывается, что армия халифа состояла из представителей многих народов, включая алан. Они крепко держались религиозных традиций своих народов, почему поклонялись огню, солнцу, луне, звездам, лошадям и идолам [16, 206]. Таким образом, источник указывает на народы, которые не исповедовали монотеистических религий вплоть до времени жизни его автора, что вызывало у того, как у христианина, резко негативную реакцию. Мы не можем однозначно полагать, какие конкретно из верований соответствовали традициям алан. Но при сопоставлении списка несомненно политеистических верований со списком народов идолопоклонство и солнцепоклонство, на фоне известных нам данных, оказываются одним из приоритетов.

Причем тема идолопоклонства у алан здесь близка по времени соответствующим свидетельствам Ибн Руста 903-913 гг. и «Худу-ал-алам» 982/983 г. [17, 161; 13, 343, 467]. Ибн Руста прямо противопоставляет христианство аланам, которые характеризуются им как кафиры,

поклоняющиеся идолам, т.е. речь идет о многобожии алан, прямо совмещенным с идолопоклонством. В таком соотношении следует понимать и свидетельство «Худуд-ал-алам» о разделении алан на христиан и идолопоклонников.

Абу Саид Гардизи, писавший в 1050-1053 гг., называл царя алан христианином, а большинство его народа – кафирами и идолопоклонниками [18, 61]. Данное определение, несомненно, соответствует свидетельству Ибн Руста. Но у Абу Саида Гардизи, в отличие от сообщения Ибн Руста, нет оговорки о том, что правитель алан является «христианином в сердце». У Ибн Руста она, несомненно, указывала на период, непосредственно предшествующий официальному принятию христианства в Алании. Таким образом, свидетельство Абу Саида Гардизи наиболее вероятно фиксирует следующий этап в истории Алании.

Следует обратить внимание на свидетельства послания епископа Алании Феодора, который в 1223 г. лично посетил алан Крыма и Северного Кавказа. Епископ, получивший, например, аутентичные представления об аланах, обитавших возле Херсона, прямо определял их «христианами только по имени». На состоявшемся в городе суде аланы были названы неблагочестивыми и безбожными (ασεβείς... αθέους), т.е. не почитающими и не верующими в Единого Бога, которому поклонялись христиане.

Можно, конечно, предположить, что данная характеристика имеет эмоциональную основу. Но противостоящее ей упомянутое определение алан как «христиан только по имени» является выводом самого епископа Феодора на основании указания на то, что аланы поклоняются не изваяниям, т.е. «вырезанным», искусственно созданным идолам (υλυλτοίς), а неким демонам (δαμονίοις) на высоких местах. Исследователи вполне справедливо усмотрели в свидетельствах

епископа Феодора библейские аллюзии. Однако, как представляется, следует избегать крайне противоположных суждений, когда они трактуются излишне прямолинейно и «натуралистически» или отрицается отражения в них «реальных языческих реликтов у алан» [19, 272].

Так, данная конкретная аллюзия касается образа иудейского правителя Ахаза, отступившего от Бога и обратившегося к другим богам через содействие Ассирии (4 Цар. 16). Ахаз был известен как правитель, поклонявшийся идолам и приносивший даже своих детей в жертву богам. Поэтому библейская аллюзия епископа Феодора может своеобразно отражать именно реальное религиозное состояние, которое справедливо сопоставляется с персидскими жертвоприношениями «Зевсу» (Herod. I, 131, 2) на вершинах гор [13, 316]. Причем епископ Феодор именно данное свое наблюдение завершает указанием на то, что аланы являются христианами только по имени. Он видит в аланах формально некогда крещеных людей, но отступивших по ряду объективных причин от Бога, что также соответствует мотиву отступничества Ахаза в сторону многобожия.

Известно, что греческим определением «демоны» обозначались также боги, божества. Обращаясь к определению δαμόνια митрополита Феодора, необходимо учитывать, что и в христианской традиции демонами называли также языческих богов, которые рассматривались как псевдобоги, выдающие себя за богов. Ими повелевал демон Вельзевул – властитель ложных богов, склонявший людей к гордыни. Таким образом, мы имеем дело с фиксацией устойчивых представлений о богах собственно аланского традиционного пантеона, т.е. с сохранением оригинальных политеистических представлений алан. Епископ Феодор прямо называет алан соблазненными Сатаной [20, 401 В], что напоминает

ет давние рассуждения Клавдия Мариа Виктора. Мы можем также констатировать, что епископ Феодор документирует для нас не только поклонение алан своим богам в лице создаваемых своими руками идолов, но и без соответствующих «посредников».

Образ демонов еще раз встречается в произведении епископа Феодора, где он уподобляет им некоего лаза, объявившего себя епископом в Алании, и его спутников [20, 412 В]. Здесь, несомненно, представлена евангельская аллюзия (Матф. 12, 44-45) к изгнанию демонов Иисусом Христом [19, 269-270]. Показательно, что в данном евангельском сюжете (Матф. 12, 24) фарисеи обвиняют Иисуса именно в том, что он изгонял силой Вельзевула.

Указанные наблюдения позволяют уже на оригинальном основании согласиться и с алано-осетинской ретроспекцией, в которой поклонение демонам на высоких местах сопоставляется и с осетинскими представлениями об (*i*) *zædta æta idawgutæ* [13, 316], т.е. «богам (древнеиран. *yazata*- «достойный жертвоприношения» – «бог») и силам», что является эквивалентом иранскому **yazatahah uta vitavahah* – «боги и силы». Собственно, сама картина расположения небожителей на вершинах гор вполне обычна для общеосетинских представлений, включая материалы Нартовского эпоса. Она неоднократно сопоставлялась специалистами с образом Мировой Горы индоиранских древностей.

В начале X в. патриарх Николай Мистик в одном из своих писем к Петру, архиепископу Алании, рассуждая о трудностях в христианизации алан, говорит о «языческом обычае» – εθνικώτερον τρόπον и «языческой жизни» – εθνικῆς ζωῆς [21, 284], что характеризует религиозное состояние алан как приверженцев собственной «народной» религии. Противопоставление «народного / языческого обычая» христианству имеет свое

краеугольное противопоставление политеизма монотеизму. Сложно себе представить, что христианские миссионеры в Алании и патриарх Николай не увидели бы монотеистических представлений алан даже только с позиций выбора своей тактики для их христианизации. В сопоставлении с предшествующими сведениями о религиозных представлениях алан и с последующими сведениями епископа Феодора не будет сложным усматривать за «народными / языческими обычаями и жизнью» алан именно их политеистические представления. Заметим, что приведенное у епископа Феодора обвинение алан в «безбожии» – αθεύς напоминает свидетельство патриарха Николая Мистика 922 г., т.е. спустя восемь лет после официального крещения алан, включающего алан в число народов, «в безбожии живущих» – ἄθεϊα συζῶντα [21, 158].

Исламские источники также называют среди алан язычников, используя термин «кафир». Сам термин неоднозначен, и мог прилагаться как к немусульманам в целом, включая иудеев и христиан, так и к язычникам-политеистам. Конкретное значение понятия «кафир» зависит от контекста. Иудеи и христиане рассматриваются в исламе как «люди Писания», т.е. монотеисты. Поэтому когда в некоторых исламских источниках аланы определяются только как «кафиры», то за этим может стоять их христианское вероисповедание, а не указание на политеизм. Другой контекст возникает, когда в источнике аланы представлены как «кафиры» и христиане, что однозначно указывает на политеистические воззрения нехристианской части алан.

Именно такое противопоставление мы имеем в упоминавшихся свидетельствах Ибн Руста и Абу Саида Гардизи, дополнительно объединяющих кафиров и идолопоклонников в противопоставлении христианам. Параллелью такому противопоставлению является также

упоминавшееся свидетельство «Худу-ал-алам» об аланах как христианах и идолопоклонниках. Кроме того, вновь сложно себе представить, чтобы исламские авторы, как и христианские, не увидели бы монотеистических представлений алан.

По свидетельству ал-Масуди, цари алан прежде были язычниками (*ġāhiliyah* – «те, которые ошибаются»). После принятия ислама при Аббасидах они приняли христианскую веру. Но после 932 г. отреклись от нее и изгнали из своей страны присланных византийским царем епископов и священников [22, 42-43]. Поскольку иудеи и христиане в глазах мусульман были «людьми Писания», то противопоставление «тех, которые ошибаются» христианам должно указывать именно на то, что прежде аланы не верили в Единого Бога, т. е. мы имеем пример противопоставления политеистической и монотеистической религий.

Характеристика алан как кафи́ров, поклоняющихся идолам, у Ибн Руста является прямой отсылкой к аланскому политеизму. В исламе к многобожию относится всякое поклонение, наряду с Всевышним Богом, звездам, планетам, камням, пророкам, ангелам и т.п. (ср. сведения упоминавшегося христианского источника – «Хроника Зукнина» Псевдо-Дионисия Телль-Махрского). По преданию ал-Бухари, идолы появились как памятники в честь праведных людей по наущению шайтана, который по проществу многих лет убедил потомков, уже забывших причину постановки идолов, что те являлись божествами их предков. Прежде многобожие присутствовало и у потомков Ибрахима (Авраама), поклонявшихся идолам и планетам.

Оно было занесено и к арабам, устанавливавших идолов и поклонявшихся камням. Разновидностью такого положения было признание частью арабов Аллаха при одновременном поклонении идо-

лам как посредникам, приближающим их к Аллаху. Таким образом, в исламе единобожие (*тавхид*) противопоставлено идолопоклонству как многобожию (*ширк*) [23]. История происхождения и распространения идолопоклонства как дела шайтана сопоставимо с указанными выше христианскими представлениями об идолопоклонстве как деле Сатаны. Показательно, что упорство многобожников определяется гордыней, как и в христианстве. Возможно, следует вспомнить о гордыне осетинских нартов, которая повела их против Верховного Бога.

Проблема выявления образов аланских божеств по археологическим материалам достаточно сложна. Специалистам, например, хорошо известны некоторые наблюдения в отношении фиксации культа бога-меча. По мнению исследователей, некоторые материалы позволяют говорить о наличии в представлениях северокавказских алан богини домашнего очага, для воплощения антропоморфного образа которой местные мастера могли использовать персидские образцы изображений Анахиты [24, 901]. Предпринимались попытки определения образов аланских богов и на других изобразительных памятниках. Но они, как и отмечавшиеся выше реконструкции религиозных верований алан, производились на основании прямого сопоставления со сведениями о религиозных верованиях осетин.

Отмеченная по свидетельству Клавдия Мариа Виктора связь у алан идолопоклонства с культом предков и погребально-поминальными традициями находит подтверждение в некоторых археологических материалах. Она дополняет основания для давнего решения некоторых исследователей, которые обратили внимание на упоминавшиеся сведения источников об идолопоклонстве аланского предводителя Эохара, сопоставив их с находками меловых статуэток в сар-

матских погребениях. Были отмечены и иные сопоставимые материалы. В целом считалось, что археологические находки дают возможность полагать, что аланы поклонялись не только священному мечу, но еще и идолам (*eidola*) в человеческом образе [25, 294, 296].

Конкретизируя археологические наблюдения, следует указать, что речь идет об антропоморфных статуэтках и подвесках, воплощающих женские образы и изготовленных из мела, алебастра, мергеля, известняка, агата, кости. Часть из них была окрашена или носила весьма схематичный характер. Они обнаружены в многочисленных сарматских памятниках от Урала до территории современной Венгрии, а также на сопредельных территориях. Некоторые из них помещались под преднамеренно перевернутыми предметами, что указывает на несомненные ритуальные действия.

Объем статьи не позволяет привести подробный обзор соответствующих артефактов и решений. Поэтому вынужденно ограничиваемся фиксацией общей на сегодняшний день картины изыскательских решений. Специалисты усматривали в подобных находках воплощения антропоморфного женского божества, оберега или семейного божества, женского фетиша, в который могли вселяться души умерших, религиозно-мифологического женского персонажа, который мог служить и в качестве семейного или родового идола-кумира и которому семантически соответствует божество ведийских ариев Ушас, наличие культа предков-прародительниц, представлений о спутнике погребенного или о его заместителе, личного покровителя или души умершего. Обращалось внимание на данные «Авесты» о почитании древними иранцами духов дома, семьи – *нманьи*, изображавшихся в виде идолов. В «Авесте» духами умерших предков выступают *фраваши*, которые

обычно отождествлялись с существами женского пола.

В контексте последнего предложения следует указать на то, что *нманьи* выступали конкретно духами домашнего очага. Они представляли собой еще дозорострийские божества, чей культ был широко распространен. Образы *фравашей* также связаны с *нманьи*. Первоначально они были душами обожествленных предков, почитавшихся потомками, которым они оказывали помощь. Они стали своего рода хранителями, приставленными к каждому существу, жили в стране молчания, в могиле под землей, вблизи их прежнего дома.

Важно отметить, что на Северном Кавказе подобные находки встречены и в аланских памятниках. Меловые статуэтки представлены в раннеаланском катакомбном могильнике Байтал-Чапкан (Карачаево-Черкесия) [25, 291, fig. 19], датированном концом IV-V в. Данный пример наглядно фиксирует продолжение сарматских религиозных традиций в аланском обществе как непрерывной линии.

Формы статуэток из Байтал-Чапкана позволяют обратиться к некоторым другим материалам из северокавказского региона. Одним из них является находка, изготовленная из белого известняка из катакомбного погребения № 1 могильника Высокогорный 4 в Кисловодской котловине начала III в. н.э. Погребение относят к местному «субстратному» населению, имевшему связи с аланами [26, 141, рис. 3,3, 142, рис. 4,6, 145, 147]. Ближайшей аналогией находке представляется мергельная статуэтка из погребения кургана № 13 могильника Кишпек (Кабардино-Балкария), обычно датированного второй половиной III или началом IV в. н.э. К данному кругу находок следует отнести и меловую статуэтку из аланской катакомбы № 1 (2005 г.) Дагомского могильника (Северная Осетия) второй половины VI – первой четверти VII в. [27, 182-183].

Кроме того, сведения Клавдия Мария Виктора, что каждый из алан как богов почитал своих предков, сопоставляли с находками аланских бронзовых амулетов [25, 285-286]. Появление таких амулетов обычно относят к постгуннскому периоду. Часть их имела фаллический и солярный характер. Статуэтки изображались либо без головных уборов, либо в конических шлемах, что не исключает, как полагают, и передачу обычая искусственной деформации черепа. Амулеты известны и в меотских древностях в Крыму, на Северном Кавказе, включая горные регионы.

По мнению некоторых исследователей, амулеты относятся к одному из тех типов, которые наиболее ярко отражают межэтнические контакты. Вопрос о происхождении, генеральном направлении распространения признается дискуссионным. Не исключают их использование в ранний период на основании случайной находки на Зилгинском городище (Северная Осетия), расцвет которого относят к II-IV вв. Возможно, с городища, располагавшегося на южной окраине г. Владикавказ, происходит еще одна подобная находка, условно датированная V-VI вв. Иконографически с такими амулетами связывают антропоморфные налесты на керамических сосудах III-VIII вв.

Исследователи рассматривали аланские амулеты в контексте фаллического культа, сочетавшегося с культами вождя и солнца, определяли их как идолов, связывали с обрядом инициации и загробным супружеством, образом главного Божества Неба, дающего жизнь. Предполагалось слияние культа мужского божества плодородия с культом героя-вождя. Образцы остроголовых персонажей с фаллическими чертами сопоставляли с образами монументальных божеств-воинов Севера Сибири и т.д. Солярно-антропоморфные амулеты рассматриваются как сочетание солярного культа с куль-

том Главного Божества или Бога войны.

Известны аланские бронзовые и кожаные амулеты с соответствующими антропоморфными изображениями, традиция использования которых представлена уже и в осетинских древностях. Они были распространены только на территории Алании. Учитывая находки из Нижнего Архыза, катакомбных могильников Змейка и Рим-Гора, Дардонского склепового могильника, датированных XI-XII вв., из катакомбного могильника Камунта VII-IX вв. и из осетинских склепов XVII-XVIII вв., обоснованным представляется заключение о предоставлении ими весомого аргумента в пользу генетических связей этнографической осетинской культуры с археологической аланской [28, 84-85, 268-269, 297].

Но сегодня особое внимание следует уделить находкам бюстовых мужских антропоморфных статуэток в аланских погребениях. Такие схематичные статуэтки представлены в материалах раскопов и аланских катакомб №№ 65, 182 Дмитриевского могильника (Белгородская область). Катакомба № 182 датируется второй половиной IX – началом X в. Сам могильник связан с историей миграции в регион северокавказских алан в середине VIII в. Исследователи полагают, что они были атрибутами культа семейно-родственных покровителей, не связанного напрямую с погребальной обрядностью, и отмечают отсутствие сведений о подобных находках в захоронениях кавказских алан раннесредневекового периода [29, 148-152]. Однако оба замечания следует несколько откорректировать.

Две такие каменные статуэтки обнаружены в дромосе входной ямы катакомбы № 42 (1997 г.) Бесланского могильника (Северная Осетия), входящей в группу, датированную серединой – второй половиной III в., исключая финал столетия. Одна из них зафиксирована вместе с фрагментом бронзового зеркала под

перевернутой глиняной миской, что логично сопоставляется с находками в сарматских погребениях под перевернутыми горшками [30, 115, рис. 2, 3, 109-111]. Находки обоснованно сопоставляются с дмитриевскими образцами, для которых при дополнительном исследовании допускается удревнение на два столетия. Они отражают традицию помещения в могилы антропоморфных статуэток, что еще раз подчеркивает связь «раннеаланской» культуры с сарматским миром. К данной группе относится и меловая статуэтка из собрания Д. А. Вырубова [30, 114, рис. 1].

Еще одна находка мергельной статуэтки зафиксирована во входной яме упоминавшейся катакомбы № 1 (2005 г.) Дагомского могильника [27, 258, рис. 12, 63, 339, рис. 88] второй половины VI – первой четверти VII в. Входная яма катакомбы как минимум дважды раскапывалась и вновь закапывалась. Статуэтка была обнаружена в заполнении ямы на высоте 1 м от пола ближе к лазу. Она также обоснованно сопоставляется с дмитриевскими образцами. Полагается, что статуэтка могла воплощать образ Божества, покровителя рода или личного покровителя воина, погребенного в катакомбе [27, 15, 180-182].

Условия находок двух статуэток в бесланской катакомбе позволяет привести и другие наблюдения. Воспроизведенное древними грабителями помещение одной из статуэток под перевернутой миской, скорее, позволяет рассматривать их как предметы, связанные с погребальным культом. Подобное переворачивание в сарматских памятниках связывается с переходом, передачей в загробный мир неких объектов или душ.

Нахождение под миской вместе со статуэткой фрагмента зеркала не исклю-

чает проявление обряда «умерщвления» вещей, что может, учитывая связь зеркала с душой, составлять семантическое единство фрагмента зеркала и статуэтки в представлениях о переходе души в «иной мир». В данной связи интересны и другие наблюдения исследователей о зеркале в аланских древностях [24, 901]. Находка статуэтки во входной яме дагомской катакомбы может указывать на то, что положение статуэток не в камере, а при входе в нее или ближе к входу являлось изначальным элементом погребального обряда. В целом находки из Бесланского, Дагомского и Дмитриевского могильников указывают на общность аланской традиции изготовления и использования бюстовых статуэток в погребальной обрядности, определяя источник и время появления такой традиции. Северокавказские находки могут указывать и на изначальное место помещения таких статуэток в погребениях.

Подводя общий итог, следует полагать, что традиционная религия алан входила в круг политеистических религий. Сведения письменных источников об идолопоклонстве у алан, связанном с культом предков и богов, погребально-поминальными традициями, находят свои параллели в археологических материалах. В круг данных материалов следует включить находки бюстовых статуэток, изображавших мужские антропоморфные образы. Но, в отличие от наших предшественников, мы не находим пока оснований для разделения сведений письменных источников для находок женских и мужских антропоморфных статуэток в погребальных памятниках алан. Обратим внимание и на совместные находки обоих видов статуэток в одном комплексе.

1. Photii Bibliotheca ex recensione Immanuelis Bekkeri. Berolini: typis et Impensis Ge. Reimeri, 1825.
2. Габриелян Р. А. Армянские источники об аланах (Документальные материалы и комментарии). Ереван, 1985. Вып. I.
3. Russell J. R. Argawan: The Indo-European Memory of the Caucasus // NARTAMON-GÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History. Paris – Vladikavkaz / Dzæwdžyqæw, 2018. Т. XIII. № 1, 2. Pp. 151-188.
4. Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum editum consilio et impensis Academiae Litterarum Caesariae Vindobonensis. Vindobonae: F. Tempsky, Pragae: F. Tempsky, Lipsiae: G. Greytag, MDCCCLXXXVIII. Vol. XVI. Poetae Christiani Minores. P. I. Paulini Petricordiae Carmina rec. M. Petchenig, Orientii Carmina rec. R. Ellis, Paulini Pellaei Eucharisticos rec. G. Brandes, Claudii Marii Victoris Alethia et Probae Cento rec. C. Schenkl.
5. Abosso D. H. A translation and commentary on Claudius Marius Victor's Alethia 3.1-326. Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Classical Philology with a concentration in Medieval Studies in the Graduate College of the University of Illinois at Urbana – Champaign. Urbana, Illinois, 2015.
6. Vachrach B. S. A History of the Alans in the West. From Their First Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages // Minnesota Monographs in the Humanities. Minnesota, 1973. Vol. 7.
7. Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003.
8. Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori, Candidi, Nonnosi et Theophanis Historiarum Reliquiae, Procopii et Prisciana Panegyrici // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonn: Impensis ed. Webery, MDCCCXXIX. Pars 1.
9. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. I.
10. M. Annaei Lucani. Pharsalia / Ed. with English notes by C. E. Haskins, with introduction by W. E. Heitland. London – Cambridge, 1887.
11. Adnotationes super Lucanum primum ad vetustissimorum codicum fidem edidit Johannes Endt. Editio stereotypa editionis anni MCMIX // Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Stuttgartiae: in aedibus B. G. Teubneri, MCMLXIX.
12. Ammiani Marcellini Rerum Gestarum libri qui supersunt Franciscus Eyssenhardt recensuit. Berolini: F. Vahlen, MDCCCLXXI.
13. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
14. Vita Germani Episcopi Autissiodorensis Auctore Constantio // Passiones Vitaeque Sanctorum aevi Merovingici cum supplement et appendice. Ediderunt B. Krusch et W. Levinson. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum Merovingiarum. Hannoverae et Lipsiae: impensis Bibliopolii Hahniani, MCMXX. Pp. 225-283.
15. Hanegraaff W. J. Idolatry // Revista de Estudos da Religião. 2005. No. 4. Pp. 80-89.
16. The Chronicle of Zuknīn, parts III and IV: A. D. 488-775 / Transl. from Syriac with notes and introduction by Amir Harrak // Mediaeval Sources in translation; 36. Toronto, 1999.
17. Hudūd-al- 'Ālam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. – 982 A. D / Transl. and explained by V. Minorsky. Second edition with the preface by V. V. Barthold. Transl. from the Russian and with add. material by the late professor Minorsky, ed. by C. E. Bosworth // E. J. W. Gibb Memorial Series. New Series, XI. Cambridge, 1982.

18. Бартольд В. В. Сочинения. М., 1973. Т. VIII.
19. Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.
20. Theodorus Alaniæ Episcopus. Alanicus, sive de itinere suo per Alaniam // Patrologiæ Cursus Completus. Series Græca Posterior. Accurante J.-P. Migne. Paris, 1865. Т. CXL. Col. 385-414.
21. Nicholas I Patriarch of Constantinople: Letters. Greek text and English translation by R. J. H. Jenkins and L. G. Westerink // Corpus Fontium Historiæ Byzantiæ. Washington, District of Columbia: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies. Trustees for Harvard University, 1973. Vol. VI.
22. Маçoudи. Les Prairies D'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1863. Т. II.
23. Гасанов М. Ш. Многобожие // QuranAcademy.org: Академия Корана. 2017 [электронный ресурс]. URL: <http://ru.quranacademy.org/encyclopedia/article/Shirk>
24. Jeroussalimskaya A. A propos de l'influence Sassanide sur l'art des tribus Alain. Une trouvaille au Caucase du Nord // Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe. Edenda curaverunt. Gent, 1989. Vol. II. Pp. 897-916.
25. Maenchen-Helfen J. O. The World of the Hunns. Studies in Their History and Culture. Berkley, Los Angeles, London, 1973.
26. Коробов Д. А. Погребальный комплекс начала III в. н.э. из Кисловодской котловины // Российская археология. 2010. № 1. С. 138-148.
27. Шестопалова Э. Ю. Древний Дагом. По материалам археологических раскопок Дагомского катакомбного могильника VI-VIII вв. Владикавказ, 2018.
28. Кузнецов В. А. Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X-XII веках. Пятигорск, 2017.
29. Саранулкин В. А. Скульптурные изображения человека Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры // Российская археология. 2017. № 3. С. 144-153.
30. Кадиева А. А., Дзуцев Ф. С. Антропоморфные статуэтки с территории Северного Кавказа // Образы времени: Из истории древнего искусства. Труды ГИМ. М., 2012. Вып. 189. С. 108-117.

Tuallagov, Alan A. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); alan167@mail.ru

ON PRE-CHRISTIAN RELIGION OF THE ALANS.

Keywords: *Alans, polytheism, idolatry, written evidence, archaeological data.*

The article is devoted to the problem of determining the traditional, pre-Christian beliefs of the Alans. Most of the previous studies were not based on the analysis of historical information about the Alans, but rather on the data on Ossetian ethnography and linguistics, as well as on the traditions of other Iranian-speaking peoples of antiquity. The conclusions thus drawn then formed the basis for the interpretation of archaeological materials. Such an approach and its static nature impede further scientific development. Currently, there is also a tendency to declare the traditional beliefs of the Alans monotheistic. The current situation determines the scientific relevance of the topic. The scientific novelty of the study lies in the analysis of the data of the original written sources about the religion of the Alans and in determining the appropriate context of archaeological data, some of which are brought in as such for the first time. While conducting the study, the methods of textual research of the sources, inductive and logical analysis based

on the principle of historicism and systematic presentation were used. The main purpose of the study is to determine the main features of the original religious beliefs of the Alans. As a result of the study, it was possible to reveal a circle of written sources recording data on the pre-Christian religion of the Alans. They testify reliably to the polytheism of the religious system of the Alans. An integral part of this system was idolatry. Some data allows to reveal the images of gods which were worshiped by the Alans. The complex of idolatry among the Alans turns out to be associated with a funeral-memorial rites. This situation allows us to determine the circle of archaeological artifacts from the Alanian complexes, which can clearly confirm the information of written sources. It is proposed to recognize one of such confirmations as a specific form of figurines depicting male characters.

REFERENCES

1. Photii Bibliotheca ex recensione Immanuelis Bekkeri. Berolini: typis et Impensis Ge. Reimeri, 1825. 581 p.
2. Gabrielyan, R. A. *Armyanskie istochniki ob alanakh (Dokumental'nye materialy i komentarii)* [Armenian sources about the Alans (Documentary materials and comments)]. Yerevan, Ergos University, 1985, iss. I. 64 p.
3. Russell, J. R. Argawan: The Indo-European Memory of the Caucasus. NARTAMON-GÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History. Paris – Vladikavkaz / Dzæwdžyqæw, 2018, vol. XIII, no. 1, 2, pp. 151-188.
4. Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum editum consilio et impensis Academiae Litterarum Caesariae Vindobonensis. Vindobonae: F. Tempsky, Pragae, F. Tempsky, Lipsiae, G. Greitag, MDCCCLXXXVIII, vol. XVI. Poetae Christiani Minores. P. I. Paulini Petricordiae Carmina rec. M. Petchenig, Orientii Carmina rec. R. Ellis, Paulini Pellaei Eucharisticos rec. G. Brandes, Claudii Marii Victoris Alethia et Probae Cento rec. C. Schenkl. 640 p.
5. Abosso, D. H. A translation and commentary on Claudius Marius Victor's Alethia 3.1-326. Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Classical Philology with a concentration in Medieval Studies in the Graduate College of the University of Illinois at Urbana – Champaign. Urbana, Illinois, 2015. 217 p.
6. Bachrach, B. S. A History of the Alans in the West. From Their First Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages. Minnesota Monographs in the Humanities. Minnesota, University of Minnesota Press, 1973, vol. 7. 161 p.
7. Volfram, H. *Goty* [The Goths]. St. Petersburg, Yuventas, 2003. 656 p.
8. Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori, Candidi, Nonnosi et Theophanis Historiarum Reliquiae, Procopii et Prisciana Panegyrici // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae: Impensis ed. Webery, MDCCCXXIX. Pars 1. 659 p.
9. Latyshev, V. V. *Izvestiya drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze* [Proceedings of the ancient Greek and Latin writers about Scythia and the Caucasus]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1890, vol. I. 948 p.
10. M. Annaei Lucani. Pharsalia. Ed. with English notes by C. E. Haskins, with introduction by W. E. Heitland. London: George Bell and sons; Cambridge: Deigton, Bell & Co., 1887. 398 p.
11. Adnotationes super Lucanum primum ad vetustissimorum codicum fidem edidit Johannes Endt. Editio stereotypa editionis anni MCMIX // Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Stutgardiae: in aedibus B. G. Teubneri, MCMLXIX. 447 p.

12. Ammiani Marcellini Rerum Gestarum libri qui supersunt Franciscus Eyssenhardt recensuit. Berolini: F. Vahlen, MDCCCLXXI. 599 p.
13. Alemany, A. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh* [Alans in ancient and medieval written sources]. Moscow, Menedzher, 2003. 608 p.
14. Vita Germani Episcopi Autissiodorensis Auctore Constantio. Passiones Vitaque Sanctorum aevi Merovingici cum supplement et appendice. Ediderunt B. Krusch et W. Levinson. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum Merovingiarum. Hannoverae et Lipsiae: impensis Bibliopolii Hahniani, MCMXX, pp. 225-283.
15. Hanegraaff, W. J. Idolatry. *Revista de Estudos da Religião*. 2005, no. 4, pp. 80-89.
16. The Chronicle of Zuknīn, parts III and IV: A. D. 488-775. Transl. from Syriac with Notes and Introduction by Amir Harrak. *Mediaeval Sources in translation*; 36. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1999. 388 p.
17. Hudūd-al-‘Ālam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. – 982 A. D. Translated and explained by V. Minorsky. Second edition with the preface by V. V. Barthold. Transl. from the Russian and with additional material by the late professor Minorsky, ed. by C. E. Bosworth. E. J. W. Gibb Memorial Series. New Series, XI. Cambridge: University Press, 1982. 524 p.
18. Barthold, V. V. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, Nauka, 1973, vol. VIII. 723 p.
19. Ivanov, S. A. *Vizantiiskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat' iz «varvara» khristianina?* [Byzantine missionary: Is it possible to make a Christian out of a «barbarian»?]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. 376 p.
20. Theodorus Alaniae Episcopus. Alanicus, sive de itinere suo per Alaniam. *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca Posterior*. Accurante J.-P. Migne. Paris, 1865, t. CXL, col. 385-414.
21. Nicholas I Patriarch of Constantinople: Letters. Greek text and English translation by R. J. H. Jenkins and L. G. Westerink. *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*. Washington, District of Columbia: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies. Trustees for Harvard University, 1973, vol. VI. 631 p.
22. Maçoudi. *Les Prairies D'or*. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1863, t. II. 467 p.
23. Gasanov, M. Sh. *Mnogobozhie* [Polytheism]. QuranAcademy.org: Quran Academy. 2017 [electronic resource]. URL: <http://ru.quranacademy.org/encyclopedia/article/Shirk>
24. Jeroussalimskaya, A. A propos de l'influence Sassanide sur l'art des tribus Alain. Une trouvaille au Caucase du Nord. *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe*. Edenda curaverunt. Gent, 1989, vol. II, pp. 897-916.
25. Maenchen-Helfen, J. O. The World of the Hunns. *Studies in Their History and Culture*. Berkley, Los Angeles, London, University of California Press, 1973. 603 p.
26. Korobov, D. A. *Pogrebal'nyi kompleks nachala III v. n.e. iz Kislovodskoi kotloviny* [Burial complex of the beginning of the 3rd century A. D. from the Kislovodsk Basin]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2010, no. 1, pp. 138-148.
27. Shestopalova, E. Yu. *Drevnii Dagom. Po materialam arkheologicheskikh raskopok Dagomskogo katakombnogo mogil'nika VI-VIII vv.* [Ancient Dagom. According to the materials of archaeological excavations of the Dagom catacomb cemetery of the VI-VIII centuries]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2018. 409 p.
28. Kuznetsov, V. A. *Nizhnii Arkhyz i rannee pravoslavie. Alanskaya eparkhiya v X-XII vekakh* [Lower Arkhyz and early Orthodoxy. Alanian diocese in the X-XII centuries]. Pyatigorsk, Sneg, 2017. 319 p.

29. Sarapulkin, V.A. *Skul'pturnye izobrazheniya cheloveka Dmitrievskogo mogil'nika saltovo-mayatskoi kul'tury* [Sculptural images of a man of the Dmitrievsky cemetery of the Saltovo-Mayatsky culture]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archeology]. 2017, no. 3, pp. 144-153.

30. Kadieva, A. A., Dzutsev, F.S. *Antropomorfnye statuetki s territorii Severnogo Kavkaza* [Anthropomorphic statuettes from the territory of the North Caucasus]. *Obrazy vremeni: Iz istorii drevnego iskusstva. Trudy GIM* [Images of time: From the history of ancient art. Proceedings of the State Historical Museum]. Moscow, 2012, iss. 189, pp. 108-117.